Ху Цяньцю очнулся от резкой, пульсирующей боли. Казалось, каждое ранение на теле вгрызается в плоть, пытаясь разорвать его пополам. Он бессильно приткнулся к спине Бай Чжигэ, медленно выдыхая воздух, отдающий медью.

Бай Чжигэ нес его сквозь лесную чащу. Мир вокруг плыл, окутанный туманом, словно они пробирались сквозь облака. Эта белесая дымка пробудила в памяти Ху Цяньцю воспоминание из детства: его любимый термальный источник. Зимой, нырнув в теплую воду, он замирал, раскинув лапы и покачиваясь на поверхности. Было так покойно, так сладко... Лис невольно усмехнулся.

Он прикрыл глаза, прислушиваясь к мерному шороху сухих листьев под ногами Бая.

Их белые одежды пропитались кровью, сочившейся из глубоких ран Цяньцю. В какой-то момент он поперхнулся кровавой пеной и зашелся в мучительном кашле. Он поморщился от тупой боли в груди.

Бай Чжигэ шел долго, не останавливаясь и не оборачиваясь, словно ведомый лишь ему одному известной целью.

— Кха... Бай Чжигэ... пёс ты шелудивый, что еще за пакость ты задумал?

Даос не замедлил шага, продолжая путь в туманном мареве:

— Хочу найти для нас надежное место.

Ху Цяньцю едва слышно фыркнул. Сил спорить по пустякам не осталось. В конце концов, он был на грани смерти, и желание Бая найти «хорошее место» казалось вполне логичным. Он мысленно прикинул местный феншуй: земля здесь так себе. Похоронишь мелко — зверье выкопает и обглодает, зароешь глубоко — того и гляди, в мертвяка обратишься.

Словом, место было никудышным.

— Слушай, Бай Чжигэ...

— Хм?

— Если выдастся случай, — через силу заговорил Ху Цяньцю, — вынеси меня отсюда. Похорони там, где всегда зелено, где шумят ветра и есть чистое озеро. А если сможешь — взнеси мои кости на вершину какой-нибудь заоблачной скалы. Пусть вокруг плывут облака, а внизу кипит мирская суета.

Бай Чжигэ лишь горько усмехнулся. Фантазия у этого лиса была поистине безграничной — он

уже и могилу себе распланировал.

— Боюсь, ты меня не так понял. Я ищу убежище, где туман не такой густой, чтобы заняться твоими ранами.

Ху Цяньцю прожил на свете больше тысячи лет, но еще никогда не бывал в столь жалком положении. Видно, судьба такая — встретить этого человека. Будь он чуть жестче, он бы скормил даоса той нечисти в лесу, а сам дотянул бы до рассвета. Но сердце, проклятое мягкое сердце, не позволило.

— Бай Чжигэ, тебе когда-нибудь предсказывали судьбу?

Тот прислушался к слабому голосу на своем плече:

— Гадание? Никогда. Неужто ты решил составить мне гороскоп?

Ху Цяньцю уткнулся лицом в его плечо и глухо пробормотал:

— Уж больно ты тяжелый на руку. Я всю жизнь прожил, горя не зная, а на тебе споткнулся. Видно, ты меня в могилу и сведешь…

Бай Чжигэ на мгновение замер. В памяти пронеслись их встречи: от первого знакомства до Призрачного поселения и этой призрачной чащи. И правда, куда бы они ни пришли, Ху Цяньцю всюду оказывался на волосок от гибели.

— Не бойся, — прошептал он. — Больше я тебя не подведу.

***

Он вынес Ху Цяньцю на самую вершину горы. Уложив бесчувственного лиса, Бай обнажил Меч Сокровенного Грома и одним широким взмахом снес окружившие их деревья. На вершине сразу стало светлее — солнце как раз стояло в зените.

Бай Чжигэ вонзил клинок в землю, воздвигая защитный массив, и опустился рядом с Цяньцю. Лис лежал к нему спиной, обнажая жуткие раны: следы зубов уже посинели и начали подгнивать.

Сосредоточившись, Бай собрал в даньтяне последние капли чистой энергии Школы Летящих Бессмертных. Он направил этот поток в ладони, и от его рук потянулись тонкие струйки белесого тумана. Когда они коснулись израненной кожи, черная гниль начала медленно затягиваться.

Ху Цяньцю почувствовал резкое облегчение. Открыв глаза, он ощутил, как по меридианам потекла мягкая, живительная прохлада, впитываясь в плоть и оседая где-то в области сердца.

Он с удивлением уставился на свои руки, где кожа на глазах становилась чистой:

— Неужто зажило?

В тот же миг за его спиной раздался тяжелый звук — кто-то рухнул на ковер из сухой хвои. Бай Чжигэ, бледный как полотно, зашелся в судороге. Цяньцю похолодел.

«Проклятье! Только не говорите, что он опять сорвался!»

Он подхватил Бая, и заметил черную дымку, струящуюся от его лба. Губы потемнели, став иссиня-черными. Не знай Ху Цяньцю о признаках демонического перерождения, он бы решил, что даос просто наелся углей.

— Дурак ты, Бай Чжигэ... Какая радость в том, чтобы спасать друг друга по кругу? Я уже и сам помирать передумал.

Он понимал: если сейчас не остановить превращение, Бай окончательно лишится рассудка. А с его характером... страшно представить, каких бед он натворит в безумии.

Ху Цяньцю потянулся к Мечу Сокровенного Грома, и клинок, словно повинуясь зову, сам прыгнул ему в руку. Он почувствовал невероятную легкость. Энергия, полученная от Бая, вошла в резонанс с духом меча.

Цяньцю почувствовал в себе такую мощь, что, казалось, мог сокрушить целое войско. Встреть он сейчас тех ночных тварей — одним ударом бы разметал.

— Держись, Бай Чжигэ. Теперь моя очередь спасать твою шкуру!

***

Цюй Фэйи и Гуй Минсы не ушли далеко от места битвы. Фэйи терзался дурными предчувствиями. Обняв свой меч, он хранил угрюмое молчание, даже не реагируя на едкие подколки Призрачного Посланника.

Внезапно Цюй почувствовал острую боль в запястье. Кожа лопнула, брызнула кровь, а сердце словно пронзили ледяной иглой. Он уставился на свою руку, широко раскрыв глаза.

— Эй, чего это ты закровоточил? — Гуй Минсы подошел ближе. — Ладно уж, так и быть,

перевяжу тебя...

Но Фэйи с силой оттолкнул его руку. Он помрачнел от ярости. Гуй Минсы, знавший по себе, что раненый зверь не дает коснуться боли, попытался снова, но Цюй Фэйи взревел:

— Не трогай меня!

— Ну и катись к черту со своей гордостью...

Когда Бай Чжигэ проходил мимо него в лесу, Фэйи успел наложить на него Заклятие Познания Судьбы — тайную технику их школы. Он не решился примешивать к ней ничего лишнего, боясь, что старший брат заметит вмешательство, хотя сила Бая теперь была несравнима с его собственной.

И вот в это мгновение заклятие лопнуло. Кровавая отметина, связывавшая их жизни, исчезла.

Старший брат погиб.

Погиб ради какого-то случайного встречного.

Фэйи выхватил меч и, словно безумный, бросился туда, где они расстались.

«Почему он?! Почему должен был умереть мой брат? Если тот мальчишка жив, я сам отправлю его вслед за ним!»

***

Бай Чжигэ отдал Ху Цяньцю всё. Часть сил ушла на исцеление ран, часть — на восстановление разрушенных меридианов, а остаток должен был послужить основой для его будущей культивации.

Ху Цяньцю, чье хрупкое тело едва выдерживало вес Бая, с трудом спускался с горы, закинув руку даоса себе на плечо.

Внезапно из белого тумана вылетела фигура. Блеск клинка озарил чащу.

Враги столкнулись лицом к лицу.

Цюй Фэйи замер, глядя на «мертвого» Бай Чжигэ. Острие его меча задрожало, нацеленное в грудь Цяньцю:

— Брат погиб… Почему же ты еще жив?!

— Кто тебе сказал, что он умер? — Ху Цяньцю едва не присел под весом Бая. Тот хоть и не ел почти ничего, весил сейчас как откормленная туша.

Фэйи, не веря своим глазам, бросился помогать. Вдвоем они подхватили бесчувственного даоса и потащили вниз.

Гуй Минсы следовал за ними, буравя взглядом то Сун Мина, то Бай Чжигэ. Он всё пытался понять, в чьей же оболочке скрывается лисья душа. Бай Чжигэ вырос в Школе Летящих Бессмертных — откуда у него возьмется дух демона? С другой стороны — Сун Мин. Обычный смертный, не слишком-то и красивый по меркам небожителей…

Поколебавшись, Призрачный Посланник всё же склонился к версии с Сун Мином.

Цюй Фэйи уложил брата под деревом. Его пальцы коснулись запястья Бая — пульс был сильным, уверенным. Но стоило Фэйи попытаться заглянуть глубже, используя техники Школы Летящих Бессмертных, как его силу мгновенно вышвырнула яростная, неуправляемая демоническая энергия.

Он посмотрел на Сун Мина, в руках которого покоился послушный Меч Сокровенного Грома, и всё понял.

— Брат пал во тьму, — глухо произнес Фэйи, опуская голову. — Это не случилось внезапно, он боролся с этим долго… Он отдал тебе всё. Без его воли демоническая кровь пожрет его разум. Я не знаю… узнает ли он нас, когда очнется.

Ху Цяньцю, в котором совести было меньше, чем в пустом горшке, уже вовсю прикидывал выгоду. Он думал, как взрастить этого демона, чтобы, когда придет срок, сойтись с ним в честном бою и смыть позор прошлого поражения.

— Не узнает — так я его бить буду, пока память не вернется, — беспечно бросил он.

Цяньцю так воодушевился, что принялся играть с Мечом Сокровенного Грома, заставляя его летать вокруг себя. Силы в нем было немного, но это была чистейшая энергия, закаленная годами тренировок Бая.

Заметив, что Бай Чжигэ всё еще в забытьи, Ху Цяньцю задиристо прищурился:

— Цюй Фэйи, ты ведь меня с первой встречи невзлюбил? Что ж, давай сразимся. Проверим, на что способна сила твоего старшего брата в моих руках!

— Ты сам напросился!

Цюй Фэйи рванул из ножен Меч Лунного сияния. Лазурное сияние, тонкое и острое, озарило поляну, затмевая солнечный свет. Он влил в клинок всю свою ярость, с ненавистью глядя на силуэт Сун Мина.

Гуй Минсы, привалившись к дереву, лишь качал головой. С таким пылом только за кровную месть сражаются.

Ху Цяньцю крепче сжал Меч Сокровенного Грома и прикрыл глаза. Он сосредоточился на той капле чистой энергии, которую передал ему Бай. Сила потекла по руке, наполняя клинок не грозовыми искрами, а нежным, серебристым светом, похожим на лунное сияние в лесу.

Он бросился вперед. Широкие рукава взметнулись, словно крылья, волосы рассыпались по плечам. В его движениях, легких, как ветер, промелькнула та самая бесшабашная грация, что была присуща лишь одному существу.

Гуй Минсы внезапно подался вперед. Он поймал этот блеск в глазах юноши — искру, которую не спутать ни с чем.

Посланник пришел в восторг. Он кинулся наперерез Цюю, преграждая ему путь, и не сводя глаз с лица Сун Мина, выдохнул:

— Цюцю! Наконец-то я тебя нашел!

У Ху Цяньцю рука дрогнула, и Меч Сокровенного Грома с глухим звоном выпал на траву.

«Какой, к черту, Цюцю?!»

В этот момент человек у дерева судорожно вздохнул. Бай Чжигэ, прижимая ладонь к груди и опираясь на ствол, медленно поднялся. Он посмотрел холодным и колючим взглядом на Призрачного Посланника, посмевшего зариться на его добычу.

— Шумишь… — процедил Бай. Его голос вибрировал от сдерживаемой ярости. — Ты, зверьё, ещё смеешь со мной тягаться?

http://bllate.org/book/17498/1714544